

Быть рядом

Тору Мотидзуки

В различных поучительных историях стоило герою принять решение, как в его жизни все сразу становилось на свои места, он проникался сошедшей на него благодатью и начинал свой путь, ведущий к конечной цели. Только вот реальная жизнь сильно отличалась от всевозможных рассказов и притч. Тору твердо решил для себя не думать ни о чем лишнем и просто ждать возвращения Яреци, но уже через пару дней признал свое окончательное поражение. Назойливые мысли постоянно лезли в голову, а любимый японцем монастырь словно уменьшился в размерах и начал его «душить», вызывая острое желание отправиться куда-то в неизвестном направлении и не возвращаться хотя бы пару недель.

Немного умирив свой пыл, Тору выбрал альтернативный вариант, вернувшись в свое бывшее пристанище в деревне. Старичок-хозяин встретил его как обычно: ворчанием и сомнительными шутками, из которых Тору сделал вывод, что тот успел по нему соскучиться. Что подтвердилось отсутствием новых постояльцев и полную сохранность комнаты, в которой он некогда жил, в привычном ему состоянии, словно хозяин в любой момент ждал его возвращения.

Но и смены обстановки его мечущемуся духу оказалось недостаточно. И чтобы хоть как-то справиться с накрывающими его, как цунами, эмоциями, Тору целыми днями тренировался в горах неподалеку от деревни, регулярно забывая поесть, отчего успел заметно осунуться и приобрести вид, более подходящий тощему потрепанному жизнью волку, чем человеку. Но, как известно, ресурсы организма исчерпаемы, и тот, видимо решив отомстить своему жестокому хозяину, ответил на издевательства над собой несколькими неловкими движениями, закончившимися нелепым падением и растяжением связок правого голеностопного сустава, не говоря уж о многочисленных синяках и ссадинах.

Обратно до деревни Тору ковылял, преодолевая боль в ноге. Но, со свойственным ему упрямством он прошествовал мимо деревенского лазарета, не желая обращаться за помощью по столь незначительному поводу, из-за чего потом получил нагоняй от хозяина дома. Весь вечер сердобольный старичок убеждал его в том, что его японские мозги подходят только для того, чтобы выбросить их вместе с другим мусором, и что свет еще не видывал таких дурных дураков, но так ничего не добившись, окончательно разозлился, собрал вещи и на следующее утро отправился на несколько дней к родственникам в Лхасу.

Тору по-своему любил старика, но сейчас он был рад ненадолго избавиться от его ворчания, хотя наступившая тишина так и не принесла ему успокоения. Из-за легкой хромоты, вызванной болью в суставе, Тору не мог тренироваться, и навязчивые мысли, которые он старался от себя гнать, снова начали захватывать над ним власть, и он не мог придумать ни одного достойного средства, чтобы с ними бороться.

Через два дня после происшествия Тору выбрался из дома за продуктами на рынок, неподалеку от которого и располагалось его временное пристанище. Нога болела

немного меньше, но все равно не позволяла давать на нее ощутимую нагрузку. Так что за время своей небольшой вылазки Тору снова успел разбедить травму, из-за чего бросив рядом с собой покупки, решил передохнуть прямо на ступеньках, не заходя в дом. Помимо боли в ноге, его раздражал зуд от заживающих ссадин. Особенно в этом отличилась ссадина на правой скуле, которую японцу хотелось разодрать еще сильнее, поэтому, чтобы хоть как-то побороть желание сделать себе только хуже, Тору прикрыл глаза и постарался сосредоточиться на дыхании. В таком состоянии он и просидел следующие десять минут, пока подозрительный шум не заставил его открыть глаза.

Яреци Фернандез

Все два часа перелета из столицы КНР в столицу Тибетского автономного округа прошли для Яреци тяжело и почти бесконечно. Она пыталась поспать, но сон никак не шел, вместо него девушку снова преследовали жуткие кошмары, кажущиеся в определенный момент реальностью. Страшной и суровой. Маргарита сидела на соседнем кресле и, кажется, спала, и девушка решила не отвлекать ее.

А потом был автобус, который трясся настолько сильно, что усиливал чувство тревоги и тошноты. Яреци старалась делать вид, что ее ничего не тревожит, ловя на себе пристальный взгляд Маргариты. Возможно это было неубедительно, так как та буквально силой затащила девушку в закусочную, стоящую около рынка, дала ей меню, а сама куда-то отлучилась. Яреци с тоской рассматривала названия еды, которые не складывались в названия, оставаясь всего лишь бессмысленным набором букв. Девушка пролистала меню, а потом посмотрела в окно. В помещении было душно, может ей так казалось, и она вышла на улицу. Посмотрела на ворота, тропинку и на горы. Снова появилась какая-то неприятная боль в сердце, голова закружилась. Где-то там... а вдруг она не найдет его? А вдруг она заблудится?

Внезапно ее внимание привлекла фигура, сидящая на ступеньках крыльца какого-то дома. Растрепанные длинные волосы, достающие до плеч. Лицо. Такое родное и знакомое. Она вздрогнула и зажмурилась. Открыла глаза. Видение не исчезло. На крыльце сидел он. Тору. Тору, с которым все в порядке...

Она хотела подойти к нему, но ее будто парализовало. Она стояла недалеко, их разделяли всего два шага, но они показались девушке слишком тяжелыми, а расстояние непреодолимым. Она сглотнула. Перед глазами все поплыло.

Тору Мотидзуки

Тору нравился небольшой и аккуратный дом, приютившего его несколько лет назад старика Жонга, но у него был ощутимый минус. Он находился очень близко от рынка, так что днем из-за постоянного шума там трудно было достичь состояния полного покоя. И если самому старику находиться чуть ли не в центре общественной жизни было в удовольствие, то Тору предпочел бы местечко потише. Хотя, справедливости ради, именно из такого он недавно и сбежал в деревню.

Тору так и не понял, что являлось источником шума, прервавшего его полумедитативное состояние, но он о нем и думать забыл, как только его взгляд остановился на знакомой женской фигурке, находящейся от него буквально в паре шагов. В первый момент Мотидзуки подумал, что его уставший мозг в очередной раз

решил сыграть с ним дурацкую шутку, но, сколько бы он не пытался от него избавиться, видение не исчезало, пугая своей необыкновенной реальностью.

Признав себя окончательно сошедшим с ума, Тору уже собирался подняться, чтобы сделать шаг навстречу очередному порождению своей больной фантазии, как заметил, что к недзоровой бледности пригрезившейся ему девушки добавляется знакомое легкое пошатывание. Не задумываясь о том, что скажут люди, если он попробует вместо женского тела подхватить лишь воздух, Тору резко вскочил и кинулся к Яреци. Нога на такие действия ответила острой болью, заставляя поморщиться, но ему на это уже было наплевать. Расстояние в два шага он преодолел практически мгновенно, чудом умудрившись не снести никого из прохожих, и по-хозяйски сгреб девушку в объятия, поражаясь тому, что вместо ожидаемого холода и пустоты может чувствовать тепло и хрупкость ее тела.

- Яреци, это что, правда ты? Хотя, конечно, ты. Кого же еще так плохо держат ноги. — Тору не ждал ответа, да и сам не до конца понимал смысла своих слов. Ему достаточно было просто прижимать к себе девушку, ставшую важной частью его жизни. Прижимать так крепко, чтобы она снова не исчезла, оставив после себя ничем не заполняемую пустоту. Тору никогда не считал себя собственником или кровожадным монстром, но, пожалуй, сейчас с особой жестокостью убил бы любого, кто попробовал забрать Яреци из его объятий.

Яреци Фернандез

Сознание медленно уплывало, но что-то снова не дало ей его окончательно упустить из виду. Она открыла глаза и подняла голову, чтобы убедиться, что её обнимает не видение, не какой-то призрак, а её любимый Тору. На скуле проступала отчётливая ссадина, а внимательный взгляд её серых глаз, заскользивший по родному и, главное, реальному лицу, заметил подрагивание каких-то мимических мышц, рассказывающее о том, что его что-то тревожит. Какая-то внешняя боль. Ему было больно, и она прикусила губу, чтобы снова не разреветься. Всё-таки он жив, но с ним не всё в порядке. Он... пострадал в горах.

- Почему... - прошептала она, продолжая смотреть в его глаза, - почему вы не были осторожны, мистер Мотидзуки? - Из глаз потекли слёзы, она зашевелилась в его объятиях, пару раз слабо ударила кулаками в область груди, а потом всхлипнула и прислонилась к его плечу. Носом зарылась в его ямочку под ключицей. - Я боялась, что с тобой что-то случится. Мне снился сон, что ты получаешь травму на тренировке. В моё сознание лезли разные мысли, что травма очень серьёзная, и ты там умираешь... Я... скажи мне, что с тобой ничего серьёзного не произошло? Пожалуйста...

Она снова подняла голову и заглянула в его глаза. По щекам текли слёзы, и стало страшно от осознания того, что она обратилась к нему неподобающим образом, ведь нельзя так поступать, ведь это неправильно и является чем-то нехорошим. Как будто у человека нет никаких принципов, всё очень просто, неформально. Девушка не могла себе такое позволить. И из-за воспитания тоже. Но сейчас ей было без разницы, что он с ней сделает. Откроет голову? Съест её? Прогонит, сказав, что больше никогда не желает её видеть за такие вольности? Но она хотя бы будет знать, что с ним не случилось ничего страшного из того, о чём на протяжении

последних дней говорил ей воспалённый мозг...

Тору Мотидзуки

Голос Яреци, упрекающий его в неосторожности, окончательно заставил поверить в реальность происходящего. Да, это была она, та девушка чьего возвращения он ждал зимой, но которая по каким-то непонятным причинам появилась намного раньше обещанного срока. Хотя дослушав Яреци до конца и получив несколько слабых ударов в грудь, Тору понял, что она вернулась, каким бы безумием это ему не казалось, из-за него самого и истории, произошедшей с ним в горах два дня назад.

- Потому что я самый дурной дурак на свете. — Всплывшие в памяти слова старика Жонга как нельзя лучше отражали его эмоции. В голове все еще не укладывалось, что Яреци прилетела из далекой России, только потому, что волновалась за его потрепанную шкуру. Но в том, что девушка говорила искренне, Тору не сомневался. Эта искренность и переход к неформальному общению, убирающий между ними сразу несколько барьеров вызвали бурный поток нежности, который японцу приходилось сдерживать, чтобы он не снес окончательно его и без того ненадежный самоконтроль.

- Со мной все в порядке. Всего лишь несколько синяков, ссадин да немного поврежденные связки. Не велика беда. Скоро все заживет, и буду целее и здоровее прежнего.

Тору немного отстранился и освободил правую руку, чтобы вытереть слезы с лица девушки. Ему не хотелось быть причиной ее страданий, но то, что она, испугавшись за его жизнь, проделала такой долгий путь, вызвало радостный трепет, которого он стыдился, но с которым ничего не мог поделать. Он надеялся, что она, даже с головой погрузившись во все прелести студенческой жизни, все же сохранит какие-то связанные с ним воспоминания, но реальность превзошла все его самые смелые фантазии.

- Все хорошо. Теперь уж точно. — Его голос звучал мягко, а рука, еще недавно стиравшая слезы, начала жить своей жизнью и зарылась в роскошные темные волосы. Тору заглянул в покрасневшие глаза, несмотря ни на что поражающие своей глубиной и притягательностью и понял, что если сейчас ничего не сделает, то просто сойдет с ума. Мог ли он позволить себе чрезмерные вольности? Мотидзуки в этом сильно сомневался, но отказаться хоть от какого-то дальнейшего проявления разрывающих его изнутри эмоций он был не в силах. Поддаваясь порыву, Тору наклонился и коснулся губами места над левой бровью Яреци. И если кому-то этот жест мог показаться странным, то для него самого он был очень личным и призванным передать то, что он не осмеливался произнести вслух.

Яреци Фернандез

Кто-то из прохожих случайно, а может и намеренно, несильно её толкнул, и она сильнее прижалась к мужчине. Ну и что из того, что они стоят посередине и без того неширокой дорожки? Сейчас её это волновало меньше всего остального. Больше всего её волновало то, что он отстранился от неё. Снова нахлынула паника, воображение в очередной раз стало рисовать очередные ужасы вроде того, что он

сейчас уйдёт, прекратив с ней любое общение, но вместо этого он нежно рукой стёр слёзы с её щек. А потом и вовсе наклонился и поцеловал её в бровь. Она сглотнула, поняв, что поцелуя пока не будет. Она боялась целоваться с ним. Она не умела целоваться, все её поцелуйчики с Пашей и Максом были ненастоящими, просто дружескими и детскими. Взрослые целуются страстно, где-то грубо. Взрослые вообще всё делают не так, как она представляла. И это сильно пугало. А вдруг ему не понравится её поцелуй?

- Нет, всё нехорошо! - прошептала девушка. - Вы... ты был у врача? Тебе надо сделать перевязку, чтобы зафиксировать ногу. Тебе надо обработать ссадину на щеке, - всхлипнула девушка, снова зарываясь носом в его плечо. Её руки, будто действующие отдельно от тела, обняли его за шею, а пальцы правой руки забрались в волосы. Почти так же, как и в момент их прощания в аэропорту. Тогда она не решилась зарыться в его волосы, а сейчас... сейчас что-то поменялось. Слишком много изменилось, и это её пугало. Она перешла на неформальное общение, он ей ответил. Слова остались невысказанными, но она была уверена, что у них обоих одинаковые слова. Предложение, которое никак не может слететь с губ.

- Я... я люблю тебя... мне кажется, что люблю... я... хотела забыть, но у меня не получилось забыть. Прости... - тихо прошептала она, на автомате, потому что мозг не воспринимал информацию. Сейчас всё было на эмоциях. За последствия она не боялась.

А вот желудок, а отличие от мозга, оставался на месте и сейчас требовал еды. И много еды. Его запрос показался девушке настолько громким, что она сильно вздрогнула. Щёки налились румянцем смущения.

- Я... хочу есть, - тихо прошептала она, поднимая на него глаза. Встала на носки и потянулась к его лицу, чтобы сделать то, что нужно было сделать ещё раньше - его поцеловать. А там будь что будет...

Тору Мотидзуки

Несмотря на его уверения в несерьёзности полученных травм, Яреци не унималась, продолжая перечислять манипуляции, которые необходимо провести в ближайшее время, чтобы приблизить скорейшее выздоровление. Тору хотел было на это что-то ответить, но засмотревшись на её взволнованное лицо, напрочь забыл, что именно, поэтому решил обойтись улыбкой. Улыбался он нечасто, но проявление искренней заботы со стороны девушки заставляло уголки его губ непроизвольно приподниматься и разъезжаться в стороны. И если сейчас со своим молчанием он выглядел, как дурак, то хотя бы, как дурак счастливый.

Тору так бы и продолжал стоять дальше и молча улыбаться, если бы Яреци не перешла к решительным действиям. Когда руки девушки обвили его шею, а тонкие изящные пальцы коснулись волос, он почувствовал, как по телу прошла дрожь, предвещающая, что последняя линия его обороны падет под напором еще совсем молодой, но уже очень активной особы. Тору давно вышел из возраста цветочных мальчиков, так что подобные действия со стороны Яреци вызывали у него вполне понятный отклик и желания, которых боялся он сам.

Контрольным же в голову стало трогательное признание девушки в ее чувствах,

заставившее сердце Тору чуть ли не остановиться. Происходящее казалось ему то ли сном, то ли какой-то изощренной пыткой, призванной сыграть на его чувствах, а потом вернуть все, как было. И лишь недовольное бурчание живота Яреци напоминало, что все происходящее реально, и он не сошел с ума, хотя все остальные признаки намекали, скорее, на последнее.

Если бы Яреци понимала, какую бурную реакцию вызывает у него каждое ее прикосновение, может быть она и задумалась, прежде чем начала проявлять инициативу и провоцировать поцелуй. Но, похоже, ей тоже двигали одни сплошные эмоции, практически лишаящие Тору последнего шанса сохранить рассудок. Невероятным волевым усилием он остановил приближающееся лицо девушки, обхватив его с двух сторон ладонями. Один внутренний голос кричал ему что-то вроде «стоп» и «нельзя», в то время как другой, более громкий, нахально заявил «плевать». И, подчиняясь ему, Тору наклонился и коснулся своими губами губ девушки, сначала нежно и осторожно, а потом, становясь все требовательнее, приглашая ее следовать за собой и не думать, что и как делать, а просто слушать себя и наслаждаться нежданной близостью.

Остановился Тору с большим трудом и то благодаря очередному приступу ворчания чужого желудка, напомнившего о насущной проблеме, которую еще предстояло решить.

- Пойдем, - кивнул Тору в сторону дома. — Я как раз недавно ходил на рынок. Так что мне есть, чем тебя накормить. - Японец взял девушку за руку и повел за собой, по дороге свободной рукой подхватывая брошенные у входа сумки с продуктами. Как он ни старался, скрыть хромоту не получалось. Оставалось надеяться, что из-за этого Яреци снова не поднимет панику и не начнет угрожать воспитательными медицинскими процедурами.

Яреци Фернандез

Если бы сейчас была другая ситуация, она бы не видела эти сны, не летела бы через полмира, чтобы убедиться, что с ним все в порядке... если бы все было иначе, то она бы не стала провоцировать его на то, что сейчас происходило. Все это нервы, излишние эмоции, гормоны. И страшно думать о том, что же будет дальше, когда это наваждение пройдет.

Но сейчас сердце трепетало от радости. Мужчина ответил на ее поцелуй, и она, инстинктивно вцепившись рукой в его волосы, закрыла глаза и доверилась своим инстинктам. Она не думала, как это делает, правильно ли целуется, но сейчас ей было хорошо с ним. Он давал ей надежду, что все плохое закончилось, а впереди ждет счастливое и радостное будущее.

Но вот поцелуй закончился, и Тору немного отстранился от нее. Она облизнула губы, сохраняя на них и во рту такой приятный и неожиданный вкус поцелуя, такой нежный и особый. Да, этот поцелуй был особым, чем-то новым, и оттого очень прекрасным. Посмотрела на мужчину и вновь услышала недовольное урчание своего живота. Виновато опустила голову, щеки налились смущенным румянцем. Но мужчина взял ее за руку и повел в дом.

Его хромота никак не хотела покидать ее сознание. Пока они шли это расстояние в

два шага, пока поднимались по лестнице к двери, пока вошли в домик... все это ужасно долгое время девушка думала, что надо помочь ему. Уговорить его лечь, осмотреть ногу и попытаться что-то сделать, облегчив его страдания. Боль в ноге - это ужасно, особенно для человека, который занят со спортом, танцами или еще чем-то, от чего из-за травмы приходится отказываться. Она знала, что разного рода травмы и их нелечение могут негативно сказаться на жизни человека, их получившего.

- Твоя нога... позволь мне помочь тебе. Почему вы, мужчины, такие гордые, не хотите принимать помощь? - она, конечно, не кричала, ибо сил на это не было, но говорила достаточно громко, но старалась делать голос спокойным, хотя в душе снова разыгралась настоящая паника. - Мой папа несколько лет назад получил травму ноги. Ему во Франции по ноге проехал мотоцикл, по ребру стопы. Он не ходил к врачам, думал, что само пройдет. А потом на очередном соревновании по бегу он упал, нога онемела. Теперь он хромотает и не может заниматься тем, что любил всю жизнь...

Может быть поэтому он стал более жестким? Его отправляли к врачам. И она, и мама, и многочисленные друзья, родственники и знакомые. Но все было тщетно. Он мазал какими-то мазями, пил таблетки, но упустил возможность вылечить ногу. Яреци не хотела, чтобы у ее Тору была такая же проблема...

Она умылась и вернулась к нему. Сейчас, после наваждения, ее накрывшего, она поняла, что делала что-то не то. Что теперь будет? Она ведь провоцировала его на все эти объятия, поцелуи...

- Прости, если я... я просто хочу помочь... - тихо прошептала она, оставаясь у двери и виновато опустив голову, которая снова сильно заболела от нервов и обилия мыслей, хаотично бродивших по ее сознанию. Какой ментальный щит, какая медитация, вы о чем?

Тору Мотидзуки

Опасения Тору подтвердились. Не успели они войти в дом, как Яреци снова начала высказываться на тему его многострадальной ноги, приводя в пример историю отца. Он не помнил, рассказывала ли девушка о родителях до этого, но чем-то настолько важным, она точно делилась впервые. Тору мало что знал о жизни Яреци вне монастыря и сейчас, каждая крупная информация, как о ней самой, так и о ее семье, казалась ему чем-то очень ценным и заслуживающим особого внимания.

- Ну почему, так ведут себя не все мужчины, а только особенно упрямые, вроде меня. — Тору даже представить не мог, как бы он жил дальше, если бы ему пришлось отказаться от интенсивных физических нагрузок. За свою жизнь он получал немало травм, некоторые из которых значительно ограничивали его возможности, но он быстро восстанавливался и возвращался к тренировкам. Пожалуй, если бы он больше не мог взять в руки меч, то у него в голове бы начали мелькать мысли о самоубийстве, типичные для классического самурая, а никак не для современного человека.

Пока Яреци приводила себя в порядок, Тору снял куртку и начал разбирать сумки с продуктами. Что-то основательное нужно было еще готовить, а это требовало

времени, которого с учетом обстоятельств у него не имелось. К счастью, он догадался купить молока и несколько свежих булочек, которыми можно было снять острое чувство голода. Так что к моменту возвращения Яреци ее уже ждали большая кружка молока и тарелка с булочками.

- Я ценю твою заботу, но здесь ты мало чем можешь мне помочь. Обещаю, что схожу в деревенский лазарет. Так наверняка дежурит кто-нибудь из монастыря. Опытный врачеватель справится с моей травмой без особых проблем.

Тору хотел было предложить Яреци перекусить, но вид жмущейся к двери девушки вызвал у него новый приток умиления.

- Пожалуй, я передумал. Ты можешь мне помочь. Например, так. – Тору подошел и снова ее обнял, прижимая ее к себе чуть ли не крепче, чем прежде. – Или так. – Он немного отстранился, наклонил голову и нежно коснулся губами кончика ее носа. – А вот этот вариант мне нравится больше всего. – Тору снова ее поцеловал, и пусть этот поцелуй длился недолго, он был не менее чувственным, чем предыдущий.

- Видишь, как много вариантов. – Японец нехотя отошел от девушки и указал в сторону столика, на который поставил еду. – Присаживайся. И заодно расскажи, что там у тебя с учебой.

Мысль о том, что Яреци вернулась раньше запланированного срока, а потому не могла сдать сессию, посетила ее внезапно. Он, конечно, был безумно раз ее появлению, но страх стать причиной разрушения ее заветной мечты, начал подкрадываться все ближе и дотрагиваться до него своими холодными липкими лапками. Тору уже проходил через подобное раньше, и ему не хотелось повторения этой весьма болезненной для него истории.

Яреци Фернандез

Когда она услышала, что он сходит в лазарет и займется своим здоровьем, она слабо улыбнулась. Правда эта улыбка получилась очень слабой и вымученной. Голова болела, была пульсирующая боль, она смешивалась с тупой болью где-то в глубине черепной коробки, там, где находится мозг, и все это создавало адскую смесь. Снова пальцы стали холодными. Такие атаки бывали редко, и последние разы были только при Тору. И это пугало.

Он ее обнял, крепко-крепко. Она закрыла глаза, чтобы насладиться теплом и силой его тела, а может быть просто чтобы успокоить усиливающуюся головную боль. Потом он поцеловал ее в нос, и она открыла глаза. Заглянула в его карие глаза, такие живые, пронзительные и любимые, и в голове возникла шальная мысль пролезть в его сознание, прочитав его мысли. Но нет, этого нельзя делать. Это разрушит все то прекрасное, что происходит сейчас. Он никонда ее не простит за этот поступок. К тому же он вряд ли не догадается о ее вмешательстве в его сознание. Да и что она там хочет увидеть? Что-то о его мыслях о ней? Но разве эти объятия не говорят о его чувствах? Он нежный, добрый. Он не такой, как Макс. Максу надо было только одно, чтобы она помогла ему с учебой.

А потом он поцпловал ее в губы. Этот поцелуй был такой же прекрасный, что и

первый, тот, на улице. Она растворялась в нем...

Он усадил ее за столик, и она посмотрела на кружку с молоком. Этот напиток она ненавидела с детства, поэтому брезгливо поморщилась, ощутив подкатывающий к горлу комок тошноты. Съела кусок булки, но легче не стало. Наоборот, стало как-то хуже. Она посмотрела на мужчину.

- Учеба... да... нет, все нормально, - прошептали ее губы, но она сомневалась, что он это услышал. На нее навалилась сильная усталость, и она закрыла глаза. Уже через несколько секунд она спала, крепким сном, свернувшись в маленький комочек на циновке. И плевать, что этт некультурно, неэстетично и как-то глупо. Организму надоело терпеть издевательства над собой...

Тору Мотидзуки

Предложенная еда не вызвала у Яреци особого энтузиазма, заставляя Тору лихорадочно перебирать в голове другие варианты, которые он мог ей предложить. И, взвесив все «за» и «против» японец в итоге остановился на закусочной, посещение которой могло немного сэкономить время, даже несмотря на то, что до нее еще нужно было доковылять.

Тору уже было собирался озвучить свое решение, как заметил, что девушка не может не только связно и разборчиво ответить на его вопрос, но и просто оставаться в сознании. В первый момент, когда она прикрыла глаза, Мотидзуки показалось, что ей снова стало нехорошо. Он уже было собирался сорваться с места и броситься ей на помощь, как перед его глазами нарисовалась удивительная картина: Яреци, как котенок, свернулась клубочком на циновке и уснула. Это зрелище показалось Тору настолько умиротворяющим, что его губы второй раз за сегодня растянулись в глупой счастливой улыбке. Несомненно, возвращение в его жизнь Яреци принесло с собой свет и почти забытое чувство домашнего уюта.

Решив не оставлять девушку в неподходящем для сна месте, Тору осторожно взял ее на руки и понес в свою комнату. Нога снова ответила на его действия резкой болью, и японец дал себе обещание в ближайшее время с ней разобраться. Теперь он видел в этом реальный смысл – переносить спящее женское тело было намного удобнее, когда у тебя имелось сразу две здоровых ноги. Аккуратно уложив Яреци на свое спальное место, Тору ненадолго присел рядом, нежно прошелся рукой по ее волосам, а затем, наклонился и осторожно коснулся губами ее лба. Он собирался дать девушке возможность спать столько, сколько ей захочется. А что касалось его самого... У него, наконец, появились дела, на которые он с удовольствием был готов потратить все свободное время.
